

было бы, разумеется, легче и проще, — выясняется опять-таки из международных данных о почитании матери-земли: как умирающих клали непременно на землю «ut extremum spiritum redderent terrae» в убеждении, что душа как раз там, где положен умирающий, возвратится в материнское земляное лоно, так ровно обратный переход к новорожденному души умершего предка, — чаще всего как раз деда, — из-под земли представляли себе возможным опять-таки только там, где состоялись роды.³³

В случайной обмолвке летописца драгоценной бытовою подробностью обнаруживается, как видим, и родопочитание и почитание земли одновременно, одно с другим в нерасторжимой связи. Земля читается вдвойне: и за то, что принимает умерших дедов, и за то, что обратно отдает души их новорожденным внукам; читается вдвойне и род этот, как теперь только выяснилось, переходящий из поколения в поколение предок, то возвращающийся в землю, то из нее же, с первым криком младенца, возникающий вновь для дальнейшей надземной жизни, как ἐπιχθόνιος в точном смысле этого слова, или, если угодно, как трава, дерево или злак. Видно наконец и то, до какой степени унаследованные от языческой старины воззрения близко соприкасались с сферой княжеского обычного права: нареки сыну оба дедные имени, ознаменовав место рожденья церковной постройкой, отец новорожденного, князь Рюрик, в заключение «дает ему Лучин город, в нем же родися»; т. е. перед нами один из бесчисленных примеров княжеского «ряда», счастливо отличающийся от остальных лишь наглядной очевидностью породивших его обстоятельств; но они, как видим, не мирятся ни с презумпцией вотчинной теории, ни с презумпцией теории «лествичного восхождения»: ни из той, ни из другой нельзя вывести право князя владеть городом в качестве «дедины» только потому, что он в нем родился; вывести такое право из языческого культа помогла счастливая случайность: минутная словоохотливость летописца. Но сколько подобных других обычно-правовых норм остаются не распознанными из-за досадного его лаконизма?.. А в них-то и таится, как видно, разгадка той ужасающей беспорядочности владетельного права Рюриковичей, которую отметил, как известно, К. Маркс и которая достигла своего апогея только в XII в.

Сакрально-языческий «ряд» Рюрика Ростиславича занесен в летопись (Ипатьевскую) под 1173 г. Из далекого экскурса в область языческих древностей мы возвратились почти к исходной дате: эпизод с остриженным мечником рассказан в той же Ипатьевской под следующим, 1174 годом: да и действующие там и тут лица — ближайшие родичи: остригший Михна Мстислав Ростиславич Храбрый — родной брат Рюрика, сын того самого Ростислава — Михаила, именем которого был назван родившийся в Лучине «дедич». Рядом стоят, под следующими 1175—1177 гг. и ростовско-суздальские события, глухо расцененные летописцем тоже как конфликт «давних» невегласов с «новыми» христианами. В них теперь, действительно, не трудно уже признать очередное, лишь более напряженное чем прежде, столкновение тех же сил, что и в киевских событиях столетием раньше, при первых Ярославичах и Всеславе.

³³ Приведя ряд разительных такому воззрению примеров, Дитрих замечает: «Такая взаимосвязь (ребенка с душой предка) должна была иметь весьма глубокую почву в некогда очень конкретных воззрениях относительно посмертной жизни (Weiterleben) предков, если внуки, согласно древним обычаям столь многих народов, последовательно наделялись именем деда... В нашем языке даже слово внук (Enkel) в действительности означает не что иное, как „маленький дед“» (см.: Al. Dieterich. Mutter Erde, стр. 25).